

11. *Паикуров А.Н.* Тайна нравственного чувства в эстетике М.Н. Муравьева / А.Н. Паикуров // Русский литературоведческий альманах. Сборник статей к юбилею В.Н. Аношкиной (Касаткиной). Выпуск второй. – М.: МГОУ, 2011. – С. 91–99 (6).

12. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: Тт. I–X / А.С. Пушкин. – М.– Л.: Изд. АН СССР. 1949.

13. *Сумароков А.П.* Избранные произведения / А.П. Сумароков. – Л.: Советский писатель, 1957. – 607 с.

14. *Хемницер И.И.* Полное собрание стихотворений / И.И. Хемницер. – Л.: Советский писатель, 1963. – 370 с.

15. *Херасков М.М.* Избранные произведения / М.М. Херасков. – М.–Л.: Сов. писатель, 1961. – 415 с.

«ДЕРЖАВИНСКОЕ» В ПОЭЗИИ Е.И. КОСТРОВА¹

А.Г. Маслова

(Киров, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»)

Ключевые слова: творческий диалог поэтов, державинская традиция, поэтика Е. Кострова

Проблема творческого диалога поэтов-современников Е.И. Кострова и Г.Р. Державина была поставлена в работах Г.А. Гуковского и получила развитие в исследованиях К.Г. Бронникова. Так, Гуковский отмечал, что Костров «легко принял великие литературные реформы Державина» [Гуковский 1947: 462], а Бронников выделил целый период в творчестве Кострова, который так или иначе связан с влиянием Державина: 1783–1792 годы. Этот период исследователь характеризует как период «легкой оды», когда Е.И. Костров отказывается от традиционной метрики оды, экспериментирует со строфикой, ритмикой, ода Кострова «усваивает манеру “домашнего тона”, мотивы простоты и интимности» [Бронников 1997: 30].

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество Е.И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века» № 17-04-50062-ОГН

Е.И. Костров, чутко откликавшийся на все новые эстетические веяния эпохи, одним из первых почувствовал новаторский характер поэзии своего современника Г.Р. Державина, создавшего «Фелицу». Именно Е.И. Костров выделяет в своем «Письме к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы» новаторскую сущность державинского сочинения, в котором автор смог преодолеть условность классицистической оды, требовавшей обязательного возвышения одического певца над повседневностью. Костров в своем послании Державину без ложного восхищения пишет:

Скажи, пожалуй, как без лиры, без скрипицы,
И не седлав притом парнаска бегунца,
Воспел ты сладостно деяния Фелицы
И животворные лучи ее венца?

[Костров 1802: 111]

Е.И. Костров, таким образом, своим чутким поэтическим зрением увидел, что ода Державина разрушает традиционный одический хронотоп, снимает ситуацию «остранения» и «надмирности» одического певца, позволяет ему спуститься с Парнаса в мир земного существования обыкновенного человека. Отмечается Костровым и «простота» державинской оды («Ты простотой умел себя средь нас вознесть»), и умение гармонично совместить «высокое» и «низкое», и «отвага», с которой автор «Фелицы» изобразил приближенных к русской императрице вельмож («Царевне похвалы вещая, / Пашей затеи исчисляя, / Ты на гудке гудил и равно важно пел; / Презрев завистных совесть злую, / Пустился ты наудалую; / Парнас, отвагу зря, венец тебе соплел» [Костров 1802: 112]).

Знаменательно то, что в этой оде Костров упоминает и другие новаторские произведения «певца Фелицы»:

Как прежде, ты пиши еще письмо к соседу;
Ты лакомство его умел представить нам,

Как приглашает он чернь жадную к обеду,
К забавам, к роскоши, разлитой по столам;
Или, любя красы природы,
Воспой кристальные нам воды,
Как некогда воспел ты Гребеневский ключ.
Сей ключ, текущий по долине,
Еще любезен мне доньне;
Я жажду утолял... отрад блистал мне луч

[Костров 1802: 114]

Здесь охарактеризованы стихотворения «К первому соседу» и «Ключ». Упомянуты такие достижения Державина, как умение создать живописные поэтические натюрморты и пейзажи.

Знаменательно, что в послании, где отмечаются открытия «певца Фелицы» в области поэзии, Костров позволяет и себе поэтические эксперименты, отходя от классицистической абстрактности и риторичности образов, смешивая «высокое» и «низкое», включая в текст разговорные выражения и автобиографические мотивы, экспериментируя с ритмикой и строфикой. Автор «Письма», например, отмечает, что державинскую оду в Москве прочли уже стократно, но тем не менее готовы слушать ее снова и снова:

Читали все ее стократно,
Но слушают охотно, внятно,
Коль кто еще при них начнет ее читать:
Не могут усладить столь духа,
Насытить так же плена слуха,
Чтоб вновь забавным в ней игрушкам не внимать

[Костров 1802: 112]

Костров прибегает к необычному сравнению, сопоставляя такую готовность слушателей внимать понравившимся им поэтическим строчкам с прогулками по знакомому саду:

Хотя дорожки все знакомы,
Но, тайным чувствием влекомы,
Еще охотно мы гулять в него спешим:
Повсюду взоры обращаем,
Увидеть новости желаем,
Хоть взором много раз все видели своим

[Костров 1802: 113].

В приведенной цитате чувствуется прямой отклик на державинские строки о Фелице, «почасту» прогуливающейся пешком. Здесь – та самая поэзия повседневной жизни, которую открыл русскому читателю Державин.

Примером автобиографизма, проникающего в произведение Кострова, могут служить строки, в которых автор упоминает об основной теме своих произведений – прославление русской монархии («По звучной арфе я перстами пребегал, / Киргизкайсацкую царевну прославлял»), о холодности, с которой встречались его оды («Хвалы холодные лишь только получал»), о лести, которую расточали в адрес университетского стихотворца окружающие, и о забвении, ожидающем его как сочинителя вышедших из моды парящих од («Стихи мои там каждый славил, / Мне льстил, себя чрез то забавил; / Теперь в забвении лежать имею честь» [Костров 1802: 113–114]).

Костров вводит в свое похвальное послание иронию, размышляя о создателях традиционных одических панегириков:

Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно кажется за облаки летать,
Чтоб, равновесия не соблюдя законов,
Летя с высот, и рук и ног не изломать.

[Костров 1802: 113]

Таким образом, мы видим, что в первом же отклике на державинское новаторское произведение Е.И. Костров выступает как продолжатель открытий «певца Фелицы».

В том же 1783 году Е.И. Костров пишет эклогу «Три грации» на день рождения княжны Александры Павловны.

В этой эклоге с особым мастерством реализуется отмеченное самим Костровым достижение Державина – живопись словом, но при этом создатель эклоги идет дальше: в его живописных картинах можно уловить движение легкого ветерка, почувствовать тончайшие запахи, увидеть мельчайшие детали. Вот как создается картина отражающихся в водах Невы солнечных лучей:

Огни сии в водах различно преломляясь,
От влаги бисерной со блеском отражаясь,
Играющий нам вид являют во струях
И поздравляют тем дочь Павла в пеленах.

[Костров 1802: 102–103]

Читатель может зримо представить себе эту картину: лучи, отражающиеся в воде, играют и переливаются световыми бликами. Или другой пример из той же эклоги:

Так лебедь в озере со легкостью плывет,
Так ласковый Зефир, ему стремяся в след,
Подъемлет пух его, и нежит, и лобзает,
Сжимает скромностью, обратно распускает,
И наконец во мзду полета своего
Стремится опочить под крыльями его.

[Костров 1802: 103–104]

Можно зримо представить нарисованную автором картину, в которой движение ласкового теплого ветра передается через едва уловимое движение лебяжьего пуха на теле царственной птицы, плывущей по озеру.

Традиционно мастером русской словесной живописи XVIII века считается Г.Р. Державин, но предложенные примеры свидетельствуют о том, что и Е.И. Костров был способен создавать зримые пластичные картины, его «говорящая живопись» не менее искусна, чем «живопись» Державина. При этом можно увидеть и некоторое различие в словесных картинах двух поэтов-современников: у Державина больше контрастов, яркости, блеска, у Кострова – полутона, мельчайшие движения, импрессионистичность. Приведем еще один показательный пример, где автор эклоги создает зримую картину в движении:

Источники, с холмов кремнистых в дол стремясь
И пеной серебряной в раскате их клубясь,
Сочетаваются в приятностях долины,
С любовью радостной приемлют путь единый,
Или, катясь они один с другим вблизи
И разделяясь в различные стези,
Прозрачную струей по камешкам играют,
Виются и цветы душисты орошают,
Любовным чувствием питаемы, журчат
И слух чрез те Княжны младыя веселят.

[Костров 1802: 105]

Выражая в эклоге всеобщую радость по поводу рождения княжны Александры Павловны, автор проявляет свое мастерство в передаче красоты окружающего мира, и искусные зарисовки, предложенные Костровым в эклоге «Три Грации», показывают тонкость натуры автора, способного запечатлеть прекрасные явления окружающего мира в словесном живописном полотне.

В 1789 году Е.И. Костров создает «Оду его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому», в которой мы можем увидеть близ-

кие Державину художественные поиски поэта на пути создания индивидуальных, узнаваемых образов. Так, в оде Кострова, еще задолго до державинского «Снегиря», создается образ А.В. Суворова, сочетающего в себе одновременно и героический облик великого полководца, и черты простого, отнюдь не величественного, человека, чуждающегося роскоши и лести. Интонация оды меняется в зависимости от изображаемой грани характера одического героя. Величие и непобедимость Суворова, его воинская слава подчеркиваются привычным для оды «гремящим звуком» и стремительностью развертывающихся картин: «Герой! твоих побед я громом изумлен», «И лира петь велит: велик, велик Суворов», «Единым именем он – молнии удар», «В его деснице меч нам светлый облак в день, / Столп огненный в ночи, стремящий в сопостаты / Смертей различных тень / И молнии крылаты» [Костров 1802: 146–147].

Но не только гром побед привлекает автора оды в Суворове. Костров восхваляет и нравственные качества полководца:

Любим подвластными, их попечитель нужд,
Труды являет им как некия забавы,
Корысти подлой чужд,
Ревнитель россам славы.

[Костров 1802: 148]

Здесь мы видим индивидуализацию в создании образа одического героя. Такие качества Суворова, как забота о простом солдате и его нуждах, – вовсе не фантазия автора. Упоминается и значимая деталь внешнего образа полководца: «волнуемый его пернатый шлем» [Костров 1802: 147]. Подчеркивается и любовь Суворова к искусствам. Если в военном деле он ужасен для врагов и является образцом твердости духа для российских полков, то «среди лика чистых Муз» он «с ласковым и радостным лицом» внимает их песням. «Почтен сединами, среди шума, среди войны» Суворов искусно «уловляет» минуты для наук: «С цветами тишины / Ты лавры сопрягаешь» [Костров 1802: 149]. Упоминается

и о труде Суворова, призванном обучить военному искусству молодое поколение: «К младенцам ты, как быть героем, пишешь» [Костров 1802: 149].

Чувствуется, как меняется эмоциональная тональность оды. «Гремящий звук», провозглашающий хвалу герою-победителю, возвышенный восторг перед тем ужасом, который внушает Суворов врагам, и тем благоговением, которым горят сердца подчиненных русскому полководцу солдат, сменяется более искренними интонациями. Костров, изображая своего героя в повседневных трудах, использует более простой и естественный тон, разрушая единство лирического восторга классицистической оды. В попытке лирического героя вести непосредственную беседу с адресатом звучит «домашний» тон:

О! если б мне твой дух – и легкое перо,
Изобразил бы я... судьба не так решила:
Вития слабый я, усердье лишь быстро,
Усердие быстро, изнемогает сила.
Ты, снисходя мне, Граф, доволен оным будь,
Прими, прими мой стих, что сердце мне вещало,
В себе питала грудь,
Усердье начертало.

[Костров 1802: 149]

Показательно в данном отрывке многоточие, заменяющее фантастические воображаемые картины, призванные поддерживать парящие интонации оды. Можно увидеть в этом произведении близость к художественной позиции Г.Р. Державина, вводившего в оды картины повседневной жизни, конкретику деталей в противовес абстрактности классицистических образов.

Рассмотрим еще одно, связанное с именем А.В. Суворова, совсем небольшое по объему стихотворение «К предстателю муз», адресованное И.И. Шувалову. Послание к меценату было написано по случаю создания одного из произведений, посвященных победам Суворова над турками (скорее все-

го, «Эпистолы на взятие Измаила»). Стихотворное обращение к И.И. Шувалову интересно тем, что здесь появляется совсем не поэтический оборот, в котором присутствует самоирония:

Он турок бьет, а мне что делать сидя дома?
Иль, ручки сжав, дремать?
Не лучше ль возвещать его удары грома
И тем достойну честь Герою воздавать?

[Костров 1802: 157]

Фраза «иль, ручки сжав, дремать» однозначно выбивается из общего стиля стихотворения и носит характер полемики с адресатом. Авторским откликом на собственный вопрос может служить концовка «Эпистолы его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на взятие Измаила»:

Прочти мои стихи, победами рожденны,
Всеобщую к тебе любовью воскриленны <...>
Прочти с улыбкою миролюбива взгляду,
Я удостоюся таких тогда похвал,
Как будто бы и я турецку крепость взял.

[Костров 1802: 156]

В таких, очень простых и лишенных риторического пафоса фразах создается представление о высоком назначении поэзии, приравниваемой Е.И. Костровым к великим подвигам героев.

Введение индивидуального авторского начала в произведения Кострова, прием самоиронии, неожиданно включаемый в «высокие» тексты, может рассматриваться как близость открытиям Г.Р. Державина.

Таким образом, в поэзии Е.И. Кострова мы видим стремление автора к экспериментам, к художественным поискам, и немалую роль в выборе такого

пути сыграл пример Г.Р. Державина, с «отвагой» нарушившего в своей оде «Фелица» устоявшиеся в поэзии XVIII века традиции.

Следует отметить, что диалог поэтов-современников не был односторонним. Если после публикации «Фелицы» Е.И. Костров ориентируется на значимые открытия Г. Р. Державина, то после костровского перевода «Песен Оссиана» уже Державин становится поэтом, ориентирующимся на новые поэтические образы и мотивы, открытые для русской лирики Костровым.

Литература

1. *Бронников К.Г.* Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е.И. Кострова / К.Г. Бронников. – М.: Прометей, 1997. – 80 с.

2. *Гуковский Г.А.* Костров / Г.А.Гуковский // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. – Ч.2. – 1947. – С. 462–472.

3. *Костров Е.И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: В 2 ч. / Е.И.Костров. – Ч. 1–2. – СПб, Императорская типография, 1802.

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768-1774 ГОДОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. МАЙКОВА И Г.Р. ДЕРЖАВИНА

О.А. Метелева

(Киров, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»)

Ключевые слова: В.И. Майков, Державинская традиция, батальная поэтика

Г.Р. Державин с конца 1760-х – в 1770-е годы начинает создавать свои первые поэтические произведения, ориентируясь на традиции лучших представителей русского классицизма – М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова. Г.А. Гуковский о первых опытах Державина писал так: «Подражая в равной мере и Ломоносову, и Сумарокову и его ученикам, он упражнялся в владении орудия-